ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2024. Том 17. Выпуск 12 | 2024. Volume 17. Issue 12
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Образы Тристана и Изольды в художественном мире произведений русских поэтов-символистов

Шанина Ю. А., Тихонова А. В.

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению вечных образов Тристана и Изольды в лирических произведениях русских поэтов-символистов. В русской культуре и литературе интерес к знаменитому кельтскому сказанию возникает на фоне широкого увлечения средневековой культурой Западной Европы, воспринятой символистами в русле идей панэстетизма эпохи русского модерна. Цель исследования – определить функции, место и содержание образов Тристана и Изольды в художественном мире стихотворений русских поэтов-символистов, который раскрывается в категориях лирического события, системы образов, лирической ситуации, мотива и сюжета. Материалом исследования явились такие произведения, как «Себя покорно предавая сжечь...» (1910) М. Волошина, «Четверг» (1909-1910) Ч. де Габриак, «Неуловимый поцелуй...» (1919) В. И. Иванова, «Милый мой ушел на ловлю...» (1921) Ф. К. Сологуба, «Искушение гибели» (1922) В. Я. Брюсова. Научная новизна исследования заключается в том, что в результате анализа были существенно переосмыслены и конкретизированы представления об особенностях трактовки вечных образов Тристана и Изольды русскими поэтами-символистами, также определена национальная специфика их интерпретации. По итогам проведенного сопоставительного анализа впервые были получены следующие результаты. Образы Тристана и Изольды выступают в лирических произведениях русских поэтов-символистов в функции обобщенных, многозначных символов, которые трактуются весьма противоречиво. Они используются для осмысления жизненных испытаний лирических героев, и их смысл создается в ореоле предшествующих интерпретаций, начиная с «Божественной комедии» Данте и завершая оперой Р. Вагнера, а также в соотнесении с другими мифологическими героями и автобиографическим подтекстом. В целом Тристан и Изольда наперекор предшествующей западноевропейской традиции представляются знаком такого духовного опыта, который отрицает идеал великой любви как силы гармонизирующей и просветляющей. Взаимная страсть, принципы чести влекут лирических героев, соотносимых с Тристаном или Изольдой, к мукам ада и гибели, а их надежды на счастье оказываются иллюзорными.

EN

Images of Tristan and Isolde in the artistic world of the works of Russian symbolist poets

Y. A. Shanina, A. V. Tikhonova

Abstract. This article is devoted to the consideration of the eternal images of Tristan and Isolde in the lyrical works of Russian symbolist poets. Russian culture and literature are interested in the famous Celtic legend against the background of a wide fascination with the medieval culture of Western Europe, perceived by symbolists in line with the ideas of panaesthetism of the era of Russian modernity. The purpose of the study is to determine the functions, place and content of the images of Tristan and Isolde in the artistic world of poems by Russian symbolist poets. This world is revealed in the categories of a lyrical event, a system of images, a lyrical situation, motive and plot. The research material was such works as "Humbly betraying myself to burn..." (1910) by M. Voloshin, "Thursday" (1909-1910) by C. de Gabriak, "The Elusive Kiss ..." (1919) by V. I. Ivanov, "My darling went fishing..." (1921) by F. K. Sologub, "The Temptation of Death" (1922) by V. Y. Bryusov. The scientific novelty of the study lies in the fact that as a result of the analysis, the ideas about the peculiarities of the interpretation of the eternal images of Tristan and Isolde by Russian symbolist poets were significantly rethought and concretized, and the national specifics of their interpretation were also determined. Based on the results of the comparative analysis, the following results were obtained for the first time. The images of Tristan and Isolde appear in the lyrical works of Russian symbolist poets in the function of generalized, multi-valued symbols, which are interpreted very inconsistently. They are used

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20240619

© 2024 Авторы. © 2024 ООО Издательство «Грамота» (© 2024 The Authors. © 2024 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

to comprehend the life trials of lyrical heroes, and their meaning is created in the halo of previous interpretations, starting with Dante's Divine Comedy and ending with R. Wagner's opera, as well as in correlation with other mythological heroes and autobiographical subtext. In general, Tristan and Isolde, contrary to the previous Western European tradition, seem to be a sign of such a spiritual experience that denies the ideal of great love as a harmonizing and enlightening force. Mutual passion, principles of honor attract lyrical heroes, correlated with Tristan or Isolde, to the torments of hell and death, and their hopes for happiness turn out to be illusory.

Введение

Образы Тристана и Изольды принадлежат к разряду вечных в истории мировой литературы, поскольку сюжет этого кельтского сказания неоднократно интерпретировался в произведениях разных видов искусства начиная со времен Средневековья. Особое место среди многочисленных обращений к истории роковой любви занимают произведения русских писателей Серебряного века, которые в определенной степени по-новому осмыслили предшествующую традицию. В русской литературе и культуре интерес к известному кельтскому преданию возникает только к рубежу XIX-XX веков отчасти по причине широкого увлечения художественным наследием средневековой Европы. Оно воспринималось в русле панэстетизма эпохи русского модерна как одна из притягательных областей мира искусства, выступавшего альтернативой обыденной современности (Шанина, 1996, с. 87). Кроме того, как справедливо отмечено в работе А. В. Ведель, решающую роль в популяризации именно данного сюжета сыграл интерес в России к мифотворчеству Р. Вагнера и его опере «Тристан и Изольда», в которой композитор «под влиянием идей Шопенгауэра и личной истории несчастной любви, превратил роман в гимн смерти или миф о любви и неизбежности смерти» (2015, с. 109).

Представляется актуальным для современного научного гуманитарного знания рассмотрение своеобразия интерпретации знаменитого европейского предания русскими поэтами, поскольку это позволяет раскрыть вопрос о вкладе русской культуры в общемировой литературный процесс. Неслучайно к вопросу об особенностях интерпретации легенды о Тристане и Изольде в русской поэзии уже обращались многие исследователи, и в его решении есть ряд достижений. Так, в диссертационной работе А. Г. Клюс (2018) раскрываются особенности интерпретации легенды о Тристане и Изольде в русской литературе с конца XIX века и до первого десятилетия XXI века. В статье Е. О. Айзенштейн (2014) представлен широкий обзор обращений русских поэтов Серебряного века к образам Тристана и Изольды в лирических произведениях, воспоминаниях, письмах, раскрываются источники и обстоятельства знакомства с сюжетом известной легенды, дается подробный комментарий к отдельным стихотворениям, в которых развитие того или иного мотива легенды рассматривается как творческий диалог современников, по-разному интерпретирующих один и тот же образ-символ, деталь. В работе А. В. Ведель (2015) определена национальная специфика рецепции знаменитого кельтского сюжета в русской культуре. Тем не менее ряд аспектов обозначенной темы остаются неизученными. В частности, место образов Тристана и Изольды в художественной системе отдельных лирических произведений не раскрывается в полной мере, поскольку часто анализ произведений лишь намечен, например, касается лишь узких аспектов трактовки сюжетных мотивов легенды, повторяющихся характеристик художественного пространства, либо наблюдаются существенные разночтения в результатах анализа отдельных стихотворений разными исследователями.

Обозначенными пробелами в исследовании особенностей интерпретации образов Тристана и Изольды русскими поэтами-символистами определяется необходимость решения ряда задач: во-первых, провести сопоставительный анализ стихотворений русских символистов и определить место и функцию образов Тристана и Изольды в их художественной системе; во-вторых, выявить общие аспекты в содержании образов-символов Тристана и Изольды; в-третьих, раскрыть новаторство русских поэтов-символистов в разработке вечных тем знаменитого кельтского предания по отношению к предшествующей литературной традиции.

Материалом исследования явились стихотворения русских поэтов-символистов, содержащие отсылки к легенде о Тристане и Изольде:

- Брюсов В. Я. «Искушение гибели» (1922) (Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 3);
- Волошин М. «Себя покорно предавая сжечь…» (1910) (Волошин М. Собрание сочинений: в 13 т. М.: Эллис Лак, 2003. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899-1926);
- Габриак Ч. де. «Четверг» (1909-1910) (Габриак Ч. де. Стихотворения. М.: Рипол-Классик, 2022);
- Иванов В. И. «Неуловимый поцелуй…» (1919) (Иванов В. Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. Т. 4);
- Сологуб Ф. К. «Милый мой ушел на ловлю…» (1921) (Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм: в 3 т. СПб.: Наука, 2020. Т. 3. Стихотворения и поэмы 1914-1927).

Их сопоставительный анализ основан на рассмотрении таких аспектов художественного мира поэтического текста, как лирическое событие, лирическая ситуация, мотив, сюжет (Козлов, 2006, с. 6-7).

Ключевыми методами стали: сравнительно-исторический, благодаря которому были определены различия в интерпретации образов Тристана и Изольды в лирике символизма по сравнению с предшествующей традицией; типологический, позволивший выявить общие тенденции в трактовке указанных образов русскими поэтами-символистами; метод мифопоэтического анализа, давший возможность показать место кельтского сказания в мифотворчестве русских символистов.

В качестве теоретической базы использованы труды М. Л. Гаспарова (1993), В. И. Козлова (2006), З. Г. Минц (2004), раскрывающие родовые признаки лирических произведений, а также работы А. Д. Михайлова (1976), О. М. Фрейденберг (2023), посвященные различным аспектам генезиса и истории литературных интерпретаций сюжета о Тристане и Изольде.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в качестве учебного материалы при формировании содержания историко-литературных курсов в рамках вузовской практики и дополнительного образования.

Обсуждение и результаты

В художественной картине мира первого из крупных «литературных направлений» (Минц, 2004, с. 366) конца XIX – начала XX века – символизма – ведущее место принадлежит символу, используемому поэтами как форма намека на невыразимое и способ бесконечного развертывания смыслов. Среди них значительное место отводилось вечным образам, мифологическим сюжетам, мотивам, которые, функционируя в символистских текстах, переплетались с новыми контекстами, их содержание существенно переосмыслялось (Шанина, 2021, с. 55-56).

Наиболее ранним обращением к легенде о Тристане и Изольде среди отобранных для исследования текстов является стихотворение Черубины де Габриак «Четверг», написанное в 1909 году. Как отмечает А. Г. Клюс, в нем «образы Тристана и Изольды психологизированы и соотнесены с обстоятельствами собственной судьбы автора: жизненная драма, связанная с тяжелейшим творческим кризисом, разрывом с Гумилёвым и Волошиным и скандальной дуэлью между двумя поэтами» (2014, с. 193). Указанные обстоятельства создания данного стихотворения неоднократно подтверждались многими литературоведами, но в полной мере с данным тезисом трудно согласиться, поскольку в стихотворении отсутствует образ Тристана. Лирическая ситуация в большей степени соотносится с библейской историей Тайной вечери, состоявшейся накануне Страстной Пятницы, а также судьбой Марии Магдалины, на что указывает целый ряд деталей: вынесенный в название стихотворения день недели – четверг, упоминание некого «Учителя», мотивы покаяния, смерти и воскресения. Данный христианский контекст не раскрывается в полной мере, а служит вместе с мотивом смерти мифопоэтической формой передачи состояния глубокого отчаяния лирической героини:

Давно, как маска восковая,
Мне на лицо легла печаль –
Среди живых я не живая,
И, мертвой, мира мне не жаль (Габриак, 2022, с. 77).

Ощущения душевной опустошенности, жизненного тупика, одиночества (*«навек одна»*), глубокого разочарования, раскрывающиеся через образы-символы *«железной цепи»*, *«темного склепа»*, *«гаснувших свечей»*, сменяются во второй части стихотворения надеждой на обретение нового смысла жизни:

Пусть я пойму, придя в обитель,
Что воскресить меня могли
Не кубок пламенной Изольды,
Не кладбищ тонкая трава,
А жизни легкие герольды –
Твои певучие слова (Габриак, 2022, с. 77).

Героиня отвергает *«кубок пламенной Изольды»*, ассоциирующийся со жгучей страстью, предательством, ложью, смертью, и решительность этого выбора подчеркивается перекликающимися образами *«гаснувших свечей»* и эпитета *«пламенная»* по отношению к Изольде. Она полагает, что спасение ей принесут *«жизни легкие герольды – / Твои певучие слова»*, которые символизируют животворящие силы поэзии. Таким образом, судьба Изольды противопоставляется духовному очищению и воскресению, которое мыслится лирической героиней через приобщение к миру поэтического творчества и отрешения от страстей.

Обратимся к стихотворению М. Волошина «Себя покорно предавая сжечь…», которое по образному строю во многом перекликается с предшествующим. Оно было написано в 1910 году и вошло в цикл «Блуждания» сборника “Selva oscura”, который был подготовлен к изданию только в 1922 году. Комментарии литературоведов к стихотворению лишены однозначности. Неопровержимым фактом является утверждение о том, что произведение было посвящено Елизавете Ивановне Дмитриевой, известной под псевдонимом Черубина де Габриак. Одни исследователи полагают, что лирическая героиня в данном случае может быть соотнесена с образом Изольды, а лирический герой – с Тристаном (Клюс, 2014). Основанием служит образ меча, разделяющего спящих возлюбленных.

Напрасно обоюдоострый меч,
Смиряя плоть, мы клали меж собою:
Вкусив от мук, пылали мы борьбою
И гасли мы, как пламя пчельных свеч… (Волошин, 2003, с. 131).

Признание лирического героя соотносится с эпизодом легенды о Тристане и Изольде в лесу Моруа, когда, находясь в изгнании, герои во время сна положили между собой обнаженный меч, который мог свидетельствовать в глазах Марка о невинности их отношений (Айзенштейн, 2014). Основанием для подобной трактовки являются сходства со стихотворениями де Габриак «Четверг» (они близки благодаря мотивам *«гаснувших*

свечей», *«пламени»* как символа страсти) и Ф. Сологуба «Милый мой ушел на ловлю…» (стихотворение также содержит образ меча, разделяющего влюбленных), в которых есть прямые отсылки к кельтскому сказанию.

Вместе с тем в комментариях В. П. Купченко к стихотворению М. Волошина дается более отвлеченное культурологическое пояснение в отрыве от конкретного литературного сюжета: меч на ложе любви возникает как отражение «средневекового обычая брака “по представительству” у немецких князей, при котором посол жениха ложился в постель с невестой с обнаженным мечом между ними» (Цит. по: Волошин, 2003, с. 480). В ситуации отсутствия прямых авторских указаний на претексты данного стихотворения оба суждения могут быть расценены как предположения, тем более что они не вступают в противоречие друг с другом, поскольку в обоих случаях разделяющий меч должен служить знаком целомудрия героев.

Цикл «Блуждания», как и весь сборник “Selva oscura”, был создан под влиянием «Божественной комедии» Данте. «“Selva oscura” означает “Темный лес”, словосочетание из “Божественной комедии” Данте в итальянском оригинале. <…> В Автобиографии (1925) поэт выделил период блужданий духа, обозначив его хронологическим отрезком 1905-1912 годов: “…буддизм, католичество, магия, масонство, оккультизм, философия, Р. Штейнер. Период больших личных переживаний романтического и мистического характера”» (Захариева, 2006, с. 52-53). Поэтому стихотворение «Себя покорно предавая сжечь…» содержит множество символов, намеков, восходящих к бессмертному творению Данте: мотивы пути, плотских мук, сошествие героини с *«высот»* в *«скорбный дол»*, образ лирического героя как *«невольника жизни дольней»* (Волошин, 2003, с. 131). В пятой песне знаменитой поэмы среди «погубленных жаждой наслаждений» (Данте, Ад, 5 песнь, 68, перевод М. Лозинского) упоминается Тристан, который вместе с Парисом и Еленой, Франческо и Паоло обречен на вечные муки на втором круге Ада.

В этом контексте отсутствие в стихотворении соотнесения имен лирических героев с конкретными вечными образами нарочито. Оно посвящено теме любви как непреодолимой страсти, источнику глубоких страданий. В краткой сонетной форме Волошин раскрывает целую историю любовных отношений. В прошлом – роковая встреча, сжигающее пламя страсти, которая сливает отдельные «я» в единое «мы» (*«нам темной суждено судьбою», «меч мы клали», «пылали», «гасли»* (Волошин, 2003, с. 131)). Со временем приходит осознание неразрешимого конфликта в настоящем (*«Мне больно / С тобой гореть, еще больней – уйти»* (Волошин, 2003, с. 131)) и неизбежности разлуки в будущем, поэтому лирический герой возвращается к форме единственного числа, хотя и утверждает, что пережитое оставит неизгладимый след в душе каждого из влюбленных:

Не мне и не тебе елей разлуки
Излечит раны страстного пути:
Минутна боль – бессмертна жажда муки! (Волошин, 2003, с. 131).

В целом лирический сюжет стихотворения Волошина не в полной мере соответствует легенде о Тристане и Изольде, которая, как известно, завершается смертью влюбленных и исполнена пафоса победы любви над смертью. Возникающая параллель с эпизодом в лесу Моруа подчеркивает, что страсть лирических героев стала источником лжи, предательства, не случайно она заставляет их остаться в скорбном доле Ада и препятствует нравственному возвышению и просветлению.

Более определенно к фрагменту жизни Тристана и Изольды в лесу обращается Фёдор Сологуб в стихотворении «Милый мой ушел на ловлю…», которое было написано в 1921 г. и впоследствии было включено в цикл «Кипридины розы» вместе с более поздними стихотворениями, созданными после смерти жены поэта. Цикл объединяет тема жертвенной, безответной любви, которая раскрывается через любовные переживания разных лирических героинь, чья судьба предстает в соотнесении с мифами о Тесее и Ариадне, Афродите и Адонисе (ассоциация возникает благодаря названию цикла и повторяющемуся мотиву слез, напоминающему об оплакивании Адониса Афродитой), обстоятельствами личной трагедии поэта – самоубийством его жены Анастасии Чеботаревской (Павлова, 2020, с. 625).

Новаторство Сологуба в трактовке знаменитого сюжета проявляется в изображении глубокого разлада между самими влюбленными. Основное внимание в стихотворении сосредоточено на переживаниях Изольды, которая ожидает возвращения своего возлюбленного Тристана с охоты:

Милый мой ушел на ловлю,
Я одна, вдали от всех.
В шалаше я приготовлю
Ложе сладостных утех (Сологуб, 2020, с. 237).

Образ Изольды связан с замкнутым пространством шалаша, ложем любви, которое отторгнуто от остального мира и определено кругом интимных переживаний, личного счастья, покоя, уединения. Напротив, Тристан является из *«темного леса»*, белого тумана, которые символизируют враждебный внешний мир, где царят опасность, коварство людей. Дело Тристана – охота, *«сечи»*, они опустошили его душу, лишили способности к любви:

«Нет, Изольда, спи спокойно,
На охоте я устал,
И открыл мне вестник ада,
Что придет нежданный гость.
Нам ответить нынче надо
Осторожностью на злость» (Сологуб, 2020, с. 237).

Поэтому разделяющий меч в данном стихотворении теперь не знак попытки героев противостоять разрушающей страсти, а указание на размолвку между героями. В финале стихотворения вновь возникает мотив одиночества Изольды: обманутая в своих ожиданиях, она остается один на один со своими переживаниями:

Златокудрая покорна.
«Не ласкаешь, – не ласкай!»
Слезы падают, как зерна.
Завтра, завтра вспыхнет рай! (Сологуб, 2020, с. 237).

Несмотря на страдание, вызванное безответностью ее чувств, холодностью Тристана, героиню не покидает надежда на счастье любви, в которой заключен весь смысл ее жизни. Повторяющиеся в начале и конце стихотворения мотивы одиночества и ожидания лирической героиней будущего счастья с любимым создают кольцевую композицию, возвышают образ Изольды как воплощение верности и преданности, готовности к самопожертвованию во имя счастья возлюбленного. В целом идейное содержание рассмотренных выше стихотворений демонстрирует принципиальное новаторство русских символистов в раскрытии героев знаменитого кельтского предания. Его нельзя связать со смыслами, представляемыми отдельными исследователями как неизменное содержание знаменитой легенды: «Каждая эпоха наделяет эти истории новыми смыслами, облекает их в новые художественные формы, но неизменным остается их суть – мечта о великой любви, которая способна существовать во все времена и эпохи, утверждая собственные законы и уничтожая все преграды, которая предпочитает жизни без любви смерть, становясь бессмертной» (Шапинская, 2017, с. 133). Вопреки сложившейся традиции лирические герои русских символистов, соотнося себя с Тристаном и Изольдой, ощущают в большей степени обреченность на одиночество и страдания.

В подобном ключе образ Изольды представляется и в стихотворении В. Иванова «Неуловимый поцелуй…», которое было написано в 1917 году и опубликовано в цикле «Утешительница (сонные грёзы)» в 1919 году. Дочь поэта Лидия Вячеславовна Иванова в книге «Воспоминания» рассказывает о знакомстве семьи с легендой о Тристане и Изольде: в 1909 году Мейерхольд приглашал Ивановых на репетицию постановки одноименной оперы Вагнера (Айзенштейн, 2014). Данное свидетельство является основанием для утверждения о том, что кельтская легенда воспринимается русским поэтом опосредованно, сквозь призму ее интерпретации в произведении немецкого композитора.

Вместе с тем, как и в стихотворении Черубины де Габриак, образы Тристана и Изольды не являются здесь центральными: В. Иванов только сравнивает чувства лирического героя с переживаниями Тристана:

Иду бесчувственной стопой
По плитам разожженным, по льду
И в сени смертной, сквозь туман
Очей потусклых, как Тристан,
На миг распознаю – Изольду! (1987, с. 67).

Основной темой анализируемого цикла является поиск лирическим героем источника надежды, который воплощается в абстрактных символах (*«неуловимый поцелуй»*, *«звезда»*, *«предносимая лампада»*, *«Святая»*, *«свет»*, *«райской щебетуньи / Весточка святая»* (Иванов, 1987)) и мифологических образах Изольды и Ариадны. Примечательно, что поэт уподобляет друг другу эти женские образы, как и Ф. Сологуб в рассмотренном выше цикле. Состояние лирического героя схоже с испытаниями героя Волошина в стихотворении «Себя покорно предавая сжечь…», поскольку оно также ассоциируется с *«тюрьмой унылой»*, *«мглой слепой»* и *«стогнами Ада»* (Иванов, 1987). Также произведения современников будет сближать мотив обреченности и неизбывности страданий, так как светлые образы являются лирическому герою Иванова как греза, кроме того, как известно, Тристан умирает до прибытия своей возлюбленной Изольды и лишь мечтает о встрече. Таким образом, стихотворение Вячеслава Иванова, содержащее отсылку к легенде о Тристане и Изольде, во многом перекликается с произведениями других поэтов-символистов, вступая с ними в своеобразный творческий диалог.

Стихотворение В. Я. Брюсова «Искушение гибели», написанное в 1922 году, занимает исключительное место среди отобранных для анализа художественных текстов, поскольку оно посвящено общественно-философской тематике и ставит вопрос о судьбе поэта в переломное время. Произведение относится к позднему творчеству поэта. В этот период Брюсов использовал перегруженный ударениями ритм, обильные аллитерации, рваный синтаксис, неологизмы, что находит отражение и в «Искушении гибели». Эти художественные приемы в полной мере отражают глубокий разлад во внутреннем мире лирического героя, который связан с несоответствием между его жизненными принципами и веяниями современной ему эпохи, охваченной «сражениями». Свой выбор лирический герой соотносит с целым рядом исторических деятелей, легендарных героев, среди которых оказывается и Тристан:

Из викингов кто-то, Фритиоф ли, Гаральд ли,
Что царства бросали – витать на драконе,
Памятный смутно лишь в книге геральдик,
Да в печальном преданьи Мессин и Лаконий;
Иль преступный Тристан, тот примерный рыцарь,
Лонуа завоевавший, Роальду подарок,
Иль еще Александр, где был должен закрыться
Путь через Инд столицей ad aras (Брюсов, 1974, с. 102).

Брюсов обращается к малоизвестному эпизоду из легенды о Тристане, в котором раскрываются те черты, которые и привели его к смерти. По словам А. Д. Михайлова, «незаинтересованность, бескорыстное подвижничество героя отличают его всю жизнь. Это его качество полезно отметить, ибо им многое определится в судьбе

юноши. А бескорыстие его поистине поразительно. Действительно, Тристан побеждает герцога Моргана, но не вступает во владение отвоеванными у узурпатора землями; он отдает их Роальду Твердое Слово и больше о них не вспоминает. Не вспоминает даже тогда, когда его вынуждают покинуть двор Марка» (1976, с. 631). Продолжая ассоциативный ряд легендарных и исторических героев, «невольников чести», пожертвовавших собой во имя утверждения высоких принципов, Брюсов называет А. С. Пушкина. Упоминание имени великого русского поэта вместе с Арионом, миф о котором был использован Пушкиным в одноименном стихотворении для раскрытия своего жизненного кредо как поэта, заставляет воспринять лирического героя как творца. Осознавая себя соучастником исторического перелома, он понимает предопределенность своей трагической судьбы, воспринимающейся как эстафета верности высоким принципам чести и великого искусства прошлого.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в каждом из рассмотренных стихотворений соотнесение с сюжетом о Тристане и Изольде возникает на основе реминисценции, представленной в виде отдельного мотива, намека или прямого сравнения. Образы Тристана и Изольды выступают в лирических произведениях русских символистов в функции обобщенных, многозначных символов, которые трактуются весьма противоречиво. В частности, в тематическом плане стихотворения отличаются разнообразием: они посвящены темам любви, творческого самоопределения, поиска смысла жизни, путей к духовному воскресению. Устойчивым мотивом большинства стихотворений становится переживание лирическим героем или героиней судьбоносной ситуации, рокового стечения обстоятельств, имеющих трагические последствия.

Тристан и Изольда используются для осмысления жизненных испытаний лирических героев в ряду других лирических образов, и чаще всего они не занимают доминирующего места. В рамках общих тенденций художественного мифологизма начала XX века их трактовка представляется в ореоле предшествующих интерпретаций, начиная с «Божественной комедии» Данте и завершая оперой Р. Вагнера, а также в сопоставлении с другими мифологическими героями и автобиографическим подтекстом.

Вопреки сложившейся традиции поэты Серебряного века, знаменовавшегося катастрофическими событиями, констатируют несбыточность идеала великой любви как силы гармонизирующей и просветляющей. Взаимная страсть, принципы чести обрекают лирических героев, соотносимых с Тристаном или Изольдой, на муки ада или гибель, любовные переживания влекут за собой не только внешние неразрешимые конфликты, но и внутренние, надежды героев на счастье представляются иллюзорными.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в определении степени влияния сложившейся в символизме тенденции интерпретации образов Тристана и Изольды на творчество русских писателей и поэтов XX-XXI веков.

Источники | References

1. Айзенштейн Е. О. «Седого моря соленый дух»: Тристан и Изольда в русской лирике // Нева. 2014. № 1.
2. Ведель А. В. Легенда о Тристане и Изольде в русской поэзии первой трети XX века // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2015.
3. Гаспаров М. Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890-1917: антология / сост. И. Багдасарян и др.; вступ. ст. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993.
4. Захариева И. Максимилиан Волошин: поэзия и культура // Уральский филологический вестник. Серия «Русская литература XX-XXI веков: направления и течения». 2006. Вып. 9.
5. Клюс А. Г. Интерпретации легенды о Тристане и Изольде в лирике Серебряного века как единая парадигма // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2 (41).
6. Клюс А. Г. Легенда о Тристане и Изольде: особенности интерпретаций в русской литературе конца XIX-XX веков: автореф. дисс. … к. филол. н. Ставрополь, 2018.
7. Козлов В. И. Архитектоника художественного мира лирического произведения (на материале цикла И. Бродского «Часть речи»): автореф. дисс. … к. филол. н. М., 2006.
8. Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПБ, 2004.
9. Михайлов А. Д. История легенды о Тристане и Изольде // Легенда о Тристане и Изольде / сост. А. Д. Михайлов. М.: Наука, 1976.
10. Павлова М. М. «Путеводная нить». Поэтическое творчество Ф. Сологуба последнего десятилетия в контексте биографии // Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм: в 3 т. СПб.: Наука, 2020. Т. 3. Стихотворения и поэмы 1914-1927.
11. Фрейденберг О. М. Сюжет Тристана и Изольды в мифологемах эгейского отрезка Средиземноморья // Тристан и Изольда. Истоки великой легенды: сборник / предисл. С. Ермакова. М.: Вече, 2023.
12. Шанина Ю. А. Мифология и литература XX века. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет, 2021.
13. Шанина Ю. А. Принципы освоения и развития западно-европейских культурных традиций в творчестве Н. С. Гумилева // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 1996. № 1.
14. Шапинская Е. Н. «Сильна, как смерть, любовь…»: легенда о Тристане и Изольде в пространстве интерпретаций // Культура и искусство. 2017. № 6.

Информация об авторах | Author information

RU

Шанина Юлия Александровна[1], к. филол. н., доц.
Тихонова Анна Владимировна[2]
[1, 2] Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

EN

Yulia Aleksandrovna Shanina[1], PhD
Anna Vladimirovna Tikhonova[2]
[1, 2] Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

[1] *schaninadjulia@yandex.ru,* [2] *avtikhonova04@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.11.2024; опубликовано online (published online): 05.12.2024.

Ключевые слова (keywords): образы Тристана и Изольды; произведения русских поэтов-символистов; идеи панэстетизма; категории лирического события; images of Tristan and Isolde; works of Russian symbolist poets; ideas of panaesthetism; categories of lyrical events.